

Воскрешение большевиков

Ночью 26 июля в самом сердце Выборгского района, в просторном зале частного общества, на открытие давно ожидавшегося VI съезда партии собрались со всех концов России около 150 большевистских лидеров [1]. Национальная ассамблея большевиков началась с избрания Ленина, Троцкого, Каменева, Коллонтай и Луначарского почетными председателями съезда и закончилась спустя 8 дней и 15 заседаний пением Интернационала. За время между этими событиями делегаты выслушали приветствия и заявления о поддержке от Петроградского Совета профсоюзов, Американской социалистической рабочей партии, «заключенных солдат и офицеров Петроградского гарнизона», двадцати трех полков, дислоцированных в Риге, от нескольких тысяч рабочих Путиловского завода, трех петроградских районных Советов, социал-демократической организации мусульман Баку и от более дюжины других различных рабочих, общественных и политических организаций. Делегаты смогли из первых рук получить подробные сообщения о положении дел на местах. С докладами выступили представители Центрального и Петербургского комитетов, Военной организации и Межрайонного комитета, официально объединившегося с партией большевиков, а также посланники девятнадцати основных провинциальных партийных организаций. Важнейшими вопросами съезда были: выработка делегатами позиции относительно явки Ленина на суд [2] и принятие решений по широкому спектру проблем, имеющих важное политическое значение, таких, как военный вопрос, экономическое и политическое положение в России. Кроме того, видимо желая ничего не упустить из виду, делегаты утвердили все резолюции, принятые Апрельской конференцией.

Работа VI съезда проходила в крайне напряженной обстановке, которая еще подогревалась периодически возникавшими слухами о намерении правительства Керенского силой разогнать съезд. Эти слухи приобрели большую достоверность 28 июля, на третий день работы съезда, когда правительство опубликовало декрет, дававший военному министру и министру внутренних дел право запрещать любые собрания и съезды, которые могли помешать военным усилиям страны или нанести ущерб государственной безопасности [3]. В результате место проведения съезда тайно перенесли в принадлежавший Межрайонному комитету отдаленный рабочий клуб, расположенный в Нарвском районе, на юго-западной окраине столицы. Почти одновременно партийное руководство организовало работу еще одного, не столь многочисленного съезда, который, собравшись отдельно, подготовил обращение к населению для опубликования в том случае, если VI съезд действительно был бы разогнан, а также в спешном порядке избрал Центральный Комитет для руководства большевистской деятельностью до следующего партийного съезда [4].

Настроение делегатов, собравшихся в столь сложных условиях, ярко проявилось в той восторженной реакции, с которой они встретили речь меньшевика-интернационалиста Юрия Ларина, через несколько недель после окончания съезда вступившего в партию большевиков. Ильин-Женевский впоследствии писал: «Помню, какой энтузиазм охватил съезд, когда председатель (Яков Свердлов) заявил, что съезд хочет приветствовать один из вождей меньшевиков-интернационалистов т. Ларин. Под громовые аплодисменты медленно, еле волоча парализованную ногу и весь подергиваясь, продвигается Ларин сквозь ряды к ораторской трибуне. И чем ближе он подвигается, тем громче становятся аплодисменты» [5]. Обращение Ларина к делегатам частично состояло из призывов к революционному единству. «В то время, когда вы подвергаетесь травле, — сказал он, — долг каждого честного интернационалиста быть с вами... Теперь наступил момент, когда необходимо строить единую революционную социал-демократическую партию». Очередная задача — «переход власти в руки революционной демократии». Вместе с тем Ларин предупреждал против насильственных революционных действий. Он прямо заявил: «У нас есть элементы, опасющиеся слишком большой уступчивости большевиков по отношению к Военной организации. Мы знаем, что во время движения 3—5 июля политическая власть партии агитировала против выступления, Военная организация призывала к выступлению...

Я слышал некоторых товарищей, говоривших, что Советы рабочих и солдатских депутатов встали на реакционную точку зрения, а потому: «Долой Советы! Создадим свою организацию!» Вот та опасная дорога, по которой мы не могли бы пойти вместе с вами.

Не уничтожение Советов, не создание новых организаций, а влияние на изменение состава нынешних Советов... Мы против быстро действующих средств. Советы являются выборными учреждениями» [6].

Большая часть высказываний Ларина явно противоречила позиции Ленина. Тем не менее в протоколе съезда указывалось, что аплодисменты в конце его выступления были столь же громкими, как и в начале. Ильин-Женевский так передает этот эпизод: «Трудно описать то, что происходило на съезде, когда он закончил свою речь. Чтобы понять это, нужно представить ту обстановку клеветы и травли, в которой находилась тогда наша партия. В этот момент всякое выражение сочувствия и поддержки было особенно ценно. Казалось, что т. Мартов и вместе с ним и все то, что было живого и талантливое в рядах меньшевистской фракции, возвращается обратно в наши единые социал-демократические ряды» [7].

К концу дискуссии (главным образом из-за сложностей с достижением консенсуса по основополагающим теоретическим проблемам, а также из-за трудностей, связанных с отсутствием на съезде Ленина, Троцкого, Каменева, других главных партийных руководителей) делегаты договорились вновь отложить принятие новой партийной программы. Таким образом, обсуждение теоретических вопросов на съезде ограничилось рамками полемики по «политическому положению». Рабочие заседания 30—31 июля, на которых состоялись эти дебаты, вне всякого сомнения, были наиболее важной частью всего съезда. Предполагалось, что в отсутствие Ленина основной доклад сделает Троцкий, ему же было поручено подготовить проект резолюции «О политическом положении» [8]. После ареста Троцкого за два дня до открытия съезда к выполнению этих задач в спешном порядке привлекли Сталина.

Примечательно, что при сложившихся обстоятельствах сторонники выдвинутой Лениным тактической программы стремились предусмотреть любую случайность. Большевики Кронштадта перепечатали статью «К лозунгам» и вручили по экземпляру каждому делегату [9]. Весьма вероятно, что именно благодаря этим усилиям «ленинцев» высказывания Сталина на VI съезде относительно сложившейся ситуации и курса на будущее в большей степени, чем в выступлении на 2-й городской конференции, соответствовали взглядам Ленина.

Однако это вовсе не означало, что позиция Сталина во всем совпадала с ленинской. В одной дискуссии в начале съезда, например, Сталин заявил, что «в данный момент все еще неясно, в чьих руках власть» [10]. В другом случае, при обсуждении вопроса о Советах, стало понятно, что он относится к Советам не столь отрицательно, как Ленин [11]. Все же в своем основном докладе Сталин назвал Временное правительство «куклой» в руках контрреволюции. Он критиковал некоторых выступавших, которые «говорили, что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции», и утверждал, что было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия «подождала с социалистическими преобразованиями, пока Европа не "начнет"» [12]. Позже, вслед за Лениным, Сталин заявил, что мирная стадия революции завершилась, и настаивал на снятии лозунга «Вся власть Советам!».

Закончив выступление, Сталин представил съезду проект резолюции «О политическом положении» из 10 пунктов, который, по всей вероятности, был составлен Лениным [13]. Первые семь пунктов резолюции характеризовали ход революции с февраля до конца июльских событий, сильно смахивая на формулировки в ленинских тезисах. «Власть в этих пунктах, именно на фронте и в Питере, — говорилось в данной части резолюции, — оказалась фактически в руках контрреволюционной буржуазии, поддержанной военной кликой командного состава армии». В пунктах с 8-го по 10-й шла речь о состоянии и роли Советов, о тактике партии в эти дни, причем в выражениях, очень напоминавших ленинские. В 8-м пункте прямо утверждалось, что существующие Советы разлагаются

заживо. Мирное развитие революции и мирный переход власти к Советам стали невозможными. Правильным, лозунгом партии могла бы быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. В 9-м и 10-м пунктах подтверждалось, что успешность новой революции будет зависеть от того, насколько быстро и твердо большинство народа осознает гибельность надежд на соглашательство с буржуазией. Вместе с тем из текста следовало, что пролетариат, и в первую очередь рабочие Петрограда, возьмет власть в свои руки при первой же возможности (т.е. когда политические, экономические и военные условия станут катастрофическими) независимо от того, осознают или нет широкие массы населения, исходя из собственного опыта, необходимость новой революции.

Как и на 2-й городской конференции, споры вокруг политического положения вообще и резолюции Сталина в частности сконцентрировались на важной проблеме будущего Советов, до тех пор места сосредоточения политической активности и надежд каждого из делегатов [14]. Константин Юренев, ближайший сподвижник Троцкого, открыл дебаты скептическим вопросом: «До сих пор мы сплывали наши силы вокруг одного органа — Советов. В какой же форме мы должны теперь сплывать наши силы?» Юренев также желал бы знать, почему лозунг «Вся власть Советам!» не соответствовал бурному периоду революции. Резолюция Сталина, сказал он в заключение, «предлагает нам стать на путь, губительный для всех завоеваний революции... Если наша партия примет резолюцию Сталина, мы пойдем быстро по пути изоляции пролетариата от крестьянства и широких масс населения... Параграфы 8—10 должны быть радикально изменены» [15].

После Юренева на трибуну быстро поднялся Володарский, который, в частности, заявил: «Нам говорят: так как мирный период революции кончился, лозунг «Вся власть Советам!» пережил себя. Верно ли это?.. Нужно ли нам лозунг «Вся власть Советам!» оставить в том виде, как до 3—5 июля? Конечно, нет! Но нельзя вместе с водой выплескивать и ребенка... Мы должны только модифицировать наш лозунг «Вся власть Советам!» приблизительно таким образом: “Вся власть пролетариату, поддерживаемому беднейшим крестьянством и революционной демократией, организованной в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”» [16].

Алексей Джапаридзе, руководитель большевистской организации Баку, избранный накануне кандидатом в члены Центрального Комитета, высказался в том же духе. В июльские дни большевики добились значительных успехов в деле организации поддержки в Бакинском Совете, и Джапаридзе критиковал Сталина за «отождествление Советов (в провинциях) с Центральным Исполнительным Комитетом». «Если ранее провинциальные Советы выражали взгляды ЦИК, — сказал он, — то теперь они не отражают его настроения... Пока мы переживаем контрреволюционную полосу, мы должны биться за Советы и как революционные защитники идеи (управления с помощью) Советов мы получим в них главенствующее положение» [17].

Как подчеркнул Мануильский, «в тактике пролетарской партии после 4 июля произошло изменение: она вынуждена перейти от наступления к обороне позиций, завоеванных революцией. При таком невыгодном соотношении сил выдвигать максимальные лозунги, как это делает левое крыло нашей партии, — значит перейти к тактике отчаяния... Зафиксировав недоверие к Советам, мы рискуем помочь столкнуть их из Таврического дворца и Смольного института... Мы должны признать, что в России 90% принадлежат к мелкой буржуазии, а потому тактика, изолирующая пролетариат от мелкой буржуазии, должна быть признана вредной» [18].

В дискуссии участвовало 15 делегатов съезда, большинство из которых использовало каждую секунду отведенных на выступление 15 минут. Из них 8 делегатов высказались за сохранение лозунга «Вся власть Советам!», один (Бухарин) занял промежуточную позицию [19], и шесть поддержали Сталина. Наиболее определенно и убедительно в поддержку сталинской позиции высказался Сокольников. Как и Сталин, он указал на усиление контрреволюции после июльских дней и заявил: «Раньше мы стояли за переход всей власти в руки Советов... Теперь этой перспективы нет. До сих пор Советы были органами

восстания, и мы могли их выдвигать как органы власти. Они перестали быть органами восстания с той минуты, когда была выдвинута артиллерия против рабочего класса».

Излагая свою точку зрения, Сокольников, по-видимому, не исключал возможность вдохнуть в Советы новую жизнь и прежде всего вновь превратить их в органы восстания. В этом смысле его оценка сложившейся ситуации отличалась от ленинской. Вместе с тем Сокольников разделял мнение Ленина о том, что на повестке дня революции стояло всенародное восстание. «Надо объяснить (массам), — заявил он, — что дело не в Советах, а в сплачивании масс для восстания». Это высказывание аудитория встретила аплодисментами. Сокольников продолжал: «Надо отрывать крестьянские массы от мелкобуржуазных вождей, объясняя им, что земля перейдет к ним только при поддержке восстания пролетариата... Для крестьянских низов путь к социальной революции открыт через поддержку пролетарского авангарда» [20].

Сокольникова поддержал Ивар Смилга, в прошлом, бесспорно, наиболее воинственно настроенный член Центрального Комитета. Без конца цитируя статью «К лозунгам», он заявил: «Ошибается не только т. Володарский, но и старый социал-демократ Ногин. Власть теперь находится в руках военной клики... Для того чтобы власть могла перейти в руки тех классов, которые могут служить развитию революции, необходимо свергнуть существующую власть». Подчеркнув, что Советы «совершили самоубийство», отказавшись от власти, когда могли ее взять, Смилга заявил, что условия для нового революционного взрыва развиваются быстрыми темпами и что, когда этот взрыв произойдет, большевики будут обязаны захватить инициативу. «Никто не имеет права, — утверждал он, — лишать нас инициативы, если судьба еще раз даст нам случай встать во главе движения». Затем Смилга добавил: «А я напомню... слова Дантона, говорившего, что в революции нужна смелость, смелость и еще раз смелость» [21]. Одним из последних в дискуссии на VI съезде по политическому положению выступил Андрей Бубнов, вновь избранный от Москвы член Центрального Комитета. Возражая Ногину, который ранее пытался приуменьшить значение разногласий в вопросе определения текущего момента, он утверждал, что эти разногласия довольно серьезны и отражают кардинальные различия во взглядах на развитие революции, имевшие место еще на Апрельской конференции. Затем, перейдя к защите доводов левых, Бубнов заявил: «Советы не имеют теперь никакой власти. Они гниют, на этот счет не должно быть никаких иллюзий... И если раньше мы говорили о «переходе» власти, то теперь этот термин устарел, надо накапливать силы для решительного боя, для «захвата» власти. Лозунг о переходе власти к Советам надо выбросить» [22].

Днем 31 июля, после завершения дискуссии о политическом положении, Джапаридзе внес предложение: резолюцию Сталина на голосование не ставить, а создать комиссию для выработки новой редакции. В его предложении указывалось, что комиссии в своей работе следует руководствоваться как тезисами Сталина, так и резолюцией о текущем моменте, принятой несколькими днями ранее московскими большевиками и включившей мнения умеренных [23]. Делегаты съезда, согласившись отложить голосование и создать комиссию для дальнейшего изучения проблемы, поставили условием, чтобы в основу вырабатываемого комиссией документа легла сталинская резолюция [24].

Затем в редакционную комиссию избрали Сталина, Сокольникова, Бубнова, Милютина и Ногина, а также двух представителей Московского областного бюро — Бухарина и Георгия Ломова. Эти семь делегатов провели вместе долгие часы, пытаясь сблизить различные оценки сложившейся ситуации, возможно время от времени получая советы от Ленина из Разлива. Сформулированная ими резолюция, единодушно принятая съездом (при четырех воздержавшихся) 3 августа, представляла собой компромисс между двумя противоборствующими сторонами [25]. Если не считать устранения отдельных особенно враждебных выпадов против меньшевиков и эсеров, то первая половина этой резолюции, определявшая ход революции вперед до конца июльских дней, почти дословно повторила текст проекта резолюции Сталина. В ней точно так же утверждалось, что передача власти Советам мирным путем стала невозможной, а вместо лозунга «Вся власть Советам!» выдвигался лозунг «Полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии».

Вместе с тем в резолюцию включили и совершенно новый раздел, целиком заимствованный из документа московских большевиков. В нем указывалось, что партии следовало взять на себя роль «передового борца против контрреволюции», защищать массовые организации и особенно Советы от контрреволюционных покушений. В этих органах партии надлежало работать с величайшей энергией, укреплять позиции «интернационалистов», спланировав вокруг себя все элементы, перешедшие на точку зрения последовательной борьбы с контрреволюцией. Таким образом, в обозримом будущем главным фокусом партийной деятельности по-прежнему являлись Советы, а вопрос о возможности совместной работы с большинством социалистов в деле защиты революции оставили из практических соображений открытым. Кроме того, в резолюции совершенно отсутствовали какие бы то ни было ссылки на «новую революцию», а также высказывания относительно возможности захвата власти большевиками до получения ими поддержки большинства населения страны. В заключительных абзацах лишь говорилось, что пролетариату следовало не поддаваться на провокации и всю энергию направить на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих против буржуазии. В этих условиях задача этих классов будет состоять в том, чтобы взять власть в свои руки [26]

Так каково же значение программных решений VI съезда? Прежний лозунг «Вся власть Советам!» был снят. Он отсутствует во всех августовских официальных документах партии большевиков. Помимо этого, однако, решения съезда, по-видимому, не имели большого практического значения. Партия по-прежнему сохраняла взятый в апреле курс на социалистическую революцию. На съезде этот курс получил твердую поддержку. Однако все еще неясными оставались решающие вопросы «как?» и «когда?». Не были улажены и внутривнутрипартийные программные разногласия. Докладывая собранию Московского областного бюро о работе VI съезда, Бубнов заявил: «На съезде, как и на Апрельской конференции, опять наметились две точки зрения, два течения, которые... не были выявлены достаточно определенно и остались в скрытом виде» [27]. Более того, многие массовые организации Петрограда, невзирая на решения партии, продолжали рассматривать создание революционного правительства Советов в качестве пути решения своих наиболее насущных проблем [28]. В конце августа во время корниловского мятежа представление о чисто социалистической власти почти повсеместно разделяли рабочие и солдаты Петрограда, и большевики были вынуждены официально возродить свой прежний боевой клич «Вся власть Советам!».

В то время, как после июльского восстания, за несколько недель испарилось существовавшее ранее у части петроградских рабочих и солдат чувство горечи и враждебности к большевикам, в начале августа появились многочисленные бесспорные признаки того, что сохранившая в целостности свой аппарат партия большевиков вступила в новый период подъема.

Это воскрешение заявило о себе частыми и громкими жалобами меньшевистских и эсеровских лидеров на местах на многочисленные случаи перехода своих членов к большевикам [29]. Оно также отразилось в увеличении поданных за большевиков голосов на местных выборах в Кронштадте [30] и во время частичных выборов в Петроградский Совет. Заводские рабочие и солдаты гарнизона при желании имели право отзывать своих представителей в Совете и в течение первой половины августа сторонники большевиков нескольких промышленных предприятий Петрограда воспользовались растущим недовольством политикой центральных органов Советов для того, чтобы заменить большевиками тех депутатов, которые защищали программу умеренных социалистов [31].

В Петроградском Совете большевики до начала сентября не располагали большинством. Однако признаки того, что меньшевики и эсеры оказались в затруднении, обнаружились уже 7 августа на первом после июльских событий заседании рабочей секции. Согласно подготовленной руководством Совета повестке дня, рабочей секции предстояло обсудить некоторые организационные проблемы и подготовиться к конференции, посвященной обороне страны, которую намечалось открыть в столице на следующий день. Но вместо этого большевистские представители в секции, поддержанные левыми эсерами, потребовали, чтобы собрание без промедления рассмотрело вопрос о судьбе арестованных

«интернационалистов» и решение правительства о введении на фронте смертной казни. При голосовании поданному предложению большинство поддержало большевиков. Потом депутаты выслушали страстное выступление неугомонного Володарского, говорившего от имени заключенных в тюрьму левых элементов, а также Дана и Гоца, защищавших власти, и со значительным перевесом проголосовали за резолюцию большевиков, в которой указывалось, что аресты и преследования товарищей из крайне левого крыла есть «удар по всему революционному делу и служит только на руку контрреволюции». Резолюция, помимо прочего, потребовала: немедленного освобождения всех арестованных после июльских событий, которым все еще не предъявили никакого формального обвинения; гласного и скорого суда над всеми арестованными, которым уже предъявлены обвинения, и наказания всех лиц, виновных «в незаконном лишении свободы граждан» [32]. Депутаты даже образовали специальную комиссию, поручив ей направить послание с выражением сочувствия и поддержки лично «Троцкому, Луначарскому, Коллонтай и другим арестованным». Кроме того, они приняли резолюцию Мартова, осуждавшую введение смертной казни, поскольку эта мера преследует откровенно контрреволюционные цели. Резолюция резко критиковала Центральный Исполнительный Комитет за то, что он не воспротивился введению смертной казни, и потребовала от Временного правительства ее отмены [33].

Проведенные 20 августа общегородские выборы в новую Петроградскую городскую думу предоставили еще более веские доказательства стремительного возрождения большевиков. Придавая существенное значение этим выборам, большевики уделили им определенное внимание еще до июльских событий. Поражение в июле лишь укрепило их решимость добиться хороших результатов. Газета «Рабочий и солдат» 9 августа в редакционной статье писала: «После событий 3—5 июля это будет первым крупным проявлением классовой борьбы в совершенно изменившейся обстановке... Если они пройдут под флагом победы кадетов — революции будет нанесен страшный удар... В случае победы оборонцев-эсеров и меньшевиков — мы будем иметь прежнее жалкое положение... Победа нашей партии будет первой победой революции над контрреволюцией».

С 12 по 15 августа внимание всех политических групп Петрограда было приковано к Государственному совещанию в Москве [34]. Однако в последние несколько дней до начала выборов в Думу борьба за голоса избирателей вновь усилилась. Такие видные кадеты, как Милюков, Шингарев, Набоков, Туркова, провели активную политическую агитацию. Ссылаясь на прошедшие в мае и неблагоприятные для кадетов выборы в районные думы, Милюков заявил, что жители Петрограда теперь получили возможность вновь сдать экзамен, который они провалили ранее, когда доверили руководство местными думами партиям, живущим фантазиями [35].

Большевики для своей кампании разработали честолюбивые программы, и по мере приближения судного дня руководители партии с беспокойством еще и еще раз оценивали все, что осталось невыполненным [36]. Тем не менее партийные функционеры сумели организовать внушительное число политических митингов и собраний и засыпать рабочие районы столицы предвыборными листовками. В самый разгар кампании усилия партии получили дополнительный импульс — вышли газеты «Солдат» и «Пролетарий». Кроме того, ухудшавшееся экономическое положение, непопулярная политика правительства и большинства социалистов, безусловно, работали на большевиков, которые в полной мере использовали сложившуюся ситуацию. «Каждый рабочий и солдат должен ясно дать себе отчет: хочет ли он, чтобы по-прежнему рабочие утопали в грязи и зловонии рабочих кварталов, без школ, без света, без сносных путей передвижения, — писала накануне выборов в редакционной статье газета «Солдат», — и тогда он пускай голосует за наших противников; или, если он хочет оздоровить рабочие предместья, эти очаги заразы, вымостить их, осветить их, покрыть школами и садами, пусть голосует за большевиков». В тот же день газета «Пролетарий» заявила: «Только она (наша партия) добивается коренных радикальных перемен и в системе ведения (муниципального) хозяйства. Только наша партия добивается полного переложения налогового бремени с плеч неимущей бедноты на плечи богатых классов» [37].

Прежде всего партия старалась нажать капитал на широко распространенных страхах перед угрозой контрреволюции, отождествляя всех соперников большевиков с выпадами

ультраправых. Как писала 19 августа в редакционной статье газета «Солдат», на выборах солдатам и рабочим предстоит решить, кого они хотят видеть во главе города — «тех ли, кто вместе с капиталистами и помещиками издает против рабочих каторжные законы, вводит смертную казнь, кричит о больших заработках рабочих, назначает массовые расчеты, держит наших товарищей в тюрьме, доводит их до голодовки и смерти». Та же самая мысль подчеркивалась в обширном воззвании к избирателям, написанном Сталиным и напечатанном на первой странице газеты «Пролетарий» в день выборов. В нем, в частности, говорилось: «Перед вами... партия народной свободы (кадетов). Эта партия защищает интересы помещиков и капиталистов... Это она, партия кадетов, требовала еще в начале июня немедленного наступления на фронте... добивалась торжества контрреволюции... Голосовать за партию Милюкова — это значит предать себя, своих жен и детей, своих братьев в тылу и на фронте... (Меньшевики и эсеры) защищают интересы обеспеченных хозяйчиков города и деревни... Голосовать за эти партии — это значит голосовать за союз с контрреволюцией против рабочих и беднейших крестьян... Это значит голосовать за утверждение арестов в тылу и смертной казни на фронте» [38].

Поскольку главная цель кампании состояла в том, чтобы заручиться самой широкой поддержкой населения, большевистские предвыборные издания того времени не заостряли внимания на отдельных разногласиях в партийной теоретической и тактической программе. Даже термин «большевик», как видно, употреблялся не так уж часто, вероятно, из опасения, что с большевиков не было снято обвинение в принадлежности к германской агентуре. Всякий голос, отданный за «список №6», то есть за список «социал-демократических интернационалистов», именовался просто «ударом революции по контрреволюции». Газета «Пролетарий» писала 15, 18 и 19 августа: «Всякий рабочий, всякий крестьянин и всякий солдат должны подать свой голос только за этот список, ибо только наша партия одна решительно и смело борется против бушующей буржуазно-дворянской контрреволюционной диктатуры, против введения смертной казни, против разгрома рабочих и солдатских организаций, против ликвидации свобод, добытых потом и кровью народной. Только за список нашей партии должны вы голосовать, ибо только она решительно и смело борется вместе с крестьянами против помещиков, с рабочими против фабрикантов и заводчиков, со всеми угнетенными против всех угнетателей».

После выборов в Городскую думу потребовалось несколько дней для окончательного подсчета голосов. Результаты показали, что большевики, продемонстрировавшие неожиданную силу во всех городских кварталах, получили 183 624 голоса, обеспечивших им 67 мест в новой думе, и уступили только эсерам (205 659 голосов и 75 мест). В сравнении с выборами в районные думы в конце мая большевики получили на 14 процентов больше голосов. В то время как за кадетов голосовало 114 483 избирателя (42 места), меньшевики остались далеко позади, собрав всего 23 552 голоса (8 мест) [39].

Как оценивались результаты голосования? Некоторые из наблюдателей того времени были склонны вовсе игнорировать успех большевиков. Так, весьма искусно манипулируя цифрами, автор одной из статей в кадетской газете «Речь» доказывал, что результаты выборов свидетельствуют о растущей поддержке позиций кадетов среди «коренного населения Петрограда» [40]. Примечательно, что более объективную оценку результатов выборов дал политический комментатор газеты «Новая жизнь». Он прямо заявил, что выборы явились «самой яркой и неоспоримой победой» большевиков. Успех партии, по его словам, отразил радикальные настроения рабочих и части солдатских масс, их неприятие политики большинства в Совете и нового курса правительства. Успеху большевизма «несомненно, содействовала та беспардонная травля лидеров движения (большевиков), которая всегда начиналась с такой помпой и постоянно лопалась, как мыльный пузырь. Репрессии против крайнего левого фланга революции только увеличивали его популярность и влияние. Большевистская пресса была закрыта, устная агитация стеснена, но вынужденное молчание оказалось самой красноречивой пропагандой» [41].

Как и «Речь», меньшевистская «Рабочая газета» поначалу проявила склонность приуменьшить значение впечатляющих результатов голосования за большевиков. В первом отчете газеты о выборах исподволь проводилась мысль о том, что за большевиков голосовало значительное число правых элементов, желавших таким путем усилить представление о большевистской опасности и тем самым оправдать собственную

политическую программу [42]. Однако уже на следующий день та же самая газета пересмотрела свою оценку выборов и пришла к выводу, аналогичному тому, который сделала «Новая жизнь». «Рабочая газета», в частности, писала: «Успех большевиков надо считать огромным, превышающим все их собственные ожидания. И этому их успеху мы обязаны как слабостью творческой работы самой демократии, не дающей массам осязательных результатов, так и системе репрессий, хаотических, поспешных, подчас нелепых и бессмысленных, которые... придав им ореол мученичества, уничтожили то впечатление, которое осталось в рабочих и солдатских массах от безумной и преступной авантюры 3—5 июля» [43].

1. Впервые протоколы VI съезда опубликованы в 1919 году (издательство "Коммунист"). Они были явно неполными, что, прежде всего, явилось следствием сложных условий, в которых проходил съезд. По данным советских источников стенографическая запись съезда оказалась утраченной и поэтому в основу всех последующих изданий протоколов VI съезда (в 1927, 1934 и 1958 годах) легло издание 1919 года.

2. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 27-36, 270.

3. Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 326.

4. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 109, 423-424.

5. Ильин-Женевский А. От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 г. Л., 1927, с. 96.

6. Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 71.

7. Ильин-Женевский А. От февраля к захвату власти, с. 96.

8. Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 7.

9. Флеровский И.П. Ленин и кронштадцы: - О Владимире Ильиче Ленине. М., 1963, с. 276; Флеровский И.П. На путях к Октябрю: - В: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1957, с. 105.

10. Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 27.

11. Там же, с. 122.

12. Сталин И.В. Соч., т. 3, с. 174.

13. Не включавшийся, по-видимому преднамеренно, в любые издания протоколов и материалов VI съезда, этот проект резолюции был напечатан вскоре после съезда (13 августа) в киевской газете большевиков "Голос социал-демократа". № некоторых заметок, сделанных Лениным перед выездом в Финляндию, можно заключить, что проект резолюции "О текущем моменте" он подготовил специально для данного съезда. Относительно этих заметок см.: Ленинский] сборник, М., 1933, т. XXI, с. 81 -82. Резолюция, в конце концов, была опубликована в кн.: Совокин А.М. В преддверии Октября. М., 1973, с. 336-341. До тех пор в большинстве советских источников утверждалось, что текст этой резолюции найти не удалось.

14. По данному вопросу см.: Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 96. Более фундаментальные теоретические вопросы, относившиеся к самой возможности

социалистической революции в России, поднимали только три делегата: Ногин, Преображенский и Ангарский.

15. Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 116-118.

16. Там же, с. 119-120.

17. Там же, с. 124-125; Относительно революции в Баку см.: Suny R. The Baku Commune 1917-1918. Princeton, 1972.

18. Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 134-136.

19. Там же, с. 114-42.

20. Там же, с. 125-128.

21. Там же, с. 131-132.

22. Там же, с. 133-139.

23. Относительно текста данной резолюции см.: Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957, с. 202-204.

24. Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 144- 145.

25. Там же, с. 251. Совокин А.М. Разработка В.И. Лениным тактики партии после июльских событий 1917 г. М., 1962, с. 185 (диссертация).

26. Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 255-257.

27. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Отв. ред. Чугаев Д.А. М., 1959, с. 46.

28. По данному вопросу см.: Октябрьское вооруженное восстание, т. 1, с. 385.

29. Участники собрания местных руководителей партии эсеров, состоявшегося 23 августа, рассматривая ход развития событий с середины июля, выражали I тревогу по поводу многочисленных переходов своих сторонников в лагерь большевиков. Только несколько представителей районных комитетов партии эсеров могли полагать, что поддержка, оказываемая партии у них на местах, не уменьшилась. См.: Октябрьское вооруженное восстание, т. 1, с. 387-388).

30. На выборах в Кронштадтскую думу в конце июля список большевиков во главе с Раскольниковым получил 10 214 из 28 154 поданных голосов и уступил только эсерам (10 900). Состоявшиеся в начале августа выборы в Кронштадтский Совет продемонстрировали в еще большей степени поддержку, которой пользовались большевики. В новом Совете наряду с 96 беспартийными, 73 эсерами, 13 меньшевиками и 7 анархистами заняли место 96 большевиков. (В первом Кронштадтском Совете, созданном в марте, среди 280 депутатов было только 60 большевиков. Во второй Совет Кронштадта, избранный в начале мая, вошло 93 большевика, 91 эсер, 46 меньшевиков и 68 беспартийных депутатов). Тем не менее даже теперь большевики не имели большинства в Кронштадтском Совете.

Председателем избрали эсера Константина Шургина ("Петроградский листок", 30 июля. "Известия Кронштадтского Совета", 13 августа. Х е с и н С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971, с. 74-75, 153, 299).

31. Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967, 255-259; Карамышева. Л.Ф. Борьба большевиков за Петроградский Совет. Л., 1964, с. 136.
32. Владимирова В. Революция 1917 года. Хроника событий. Л., 1924, т. 4, с. 24.
33. "Новая жизнь", 8 августа.
34. См. ниже, с. 136-141.
35. "Речь", 15 августа.
36. Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. Сборник материалов и протоколов. М.-Л., 1927, с. 223-226, 232-233.
37. "Солдат", 19 августа. "Пролетарий", 19 августа.
38. "Солдат", 19 августа; "Пролетарий", 20 августа.
39. Относительно анализа результатов голосования СМ.: Rosenberg W.G. The Russian Municipal Duma Elections of 1917: A Preliminary Computation of Returns. Soviet Studies, 1969, vol. XXI, pp. 152-163.
40. "Речь", 23 августа. По словам автора статьи, фактические итоговые цифры мало что значат, ибо: 1) неучастие в голосовании было наивысшим в тех районах, где кадеты обладали наибольшим влиянием; 2) показатели эсеров и большевиков увеличились за счет голосов солдат, которые прибывали в столице временно. Для него существенным являлось лишь то, что 40 процентов всех голосов (если отбросить солдатские) было подано за кадетов.
41. "Новая жизнь", 23 августа.
42. "Рабочая газета", 23 августа.
43. Там же, 24 августа.